

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

декабрь 1979 г.

Часть I (1)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

от рабства их" - mē^c avōdātām и перевод ЛХХ: $\xi\kappa\tau\tilde{\eta}\varsigma$ δουλείας, но также, как мне представляется, возможностью иной огласовки слова m^cbdtm = mē^c avdūtām. Ср. Neh 3:5, где слово 'bdh образно используется для обозначения рабства.

⁹ "Поэзия и проза древнего Востока", М., 1973, с.650 (подчеркнуто мной; И.А.). Ср. R. Kroeber, Der Prediger. Hebräisch und deutsch (Schriften und Quellen der Alten Welt. B.13), Berlin, 1963, с.109: "ein Knecht ist...ein Freier ist2.

¹⁰ См. Ек. 21:2.5.26-27; Dt. 15:12.13.18; Jer. 34:9-11.14.16; Нл 3:19; Ps.88,6 (=LXX:87,6) и др.

¹¹ Lev. 25:39-41. См. R. de Vaux, Les institutions de l'Ancien Testament (2e édition revue), I, Paris, 1961, с.137-131

¹² Ср. R. de Vaux, op. cit. с.137: l'exemption de taxes et de corvées. Ср. New English Bible, Oxford, 1970, с.322: and will exempt his family from service due in Israel. Недавняя попытка Лемке видеть здесь предложение пожаловать содержание из царского хозяйства, иными словами, перевести дом Иессеев на положение служилых людей, представляется необоснованной. Впрочем, по словам самого автора, обоснование обещано в другой статье. См. N.P. Lemche, 'שנפ in 1Sam. XVII,25. - VT, 1974, XXIV, N 3, с.373-374.

М.В.Воробьев

ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ ЧЖУРЧЖЕНЕЙ И ЦЗИНЬ В СВЕТЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Теория старой дальневосточной дипломатии обычно предстает перед нами в виде учения о сношениях Китая с окружающим миром. В основе учения лежали следующие представления. Вся поднебесная разделена на Срединную империю и на "варварское" окружение. Власть китайского императора - единственная во вселенной, распространяется на всю поднебесную; только она обеспечивает мироустройство. "Варвары" - объект действия императорской власти, ее цивилизаторской, преобразующей силы. Эффективность преобразования зависит как от "искренности" самих "варваров", которая выражается в обязательных приездах с данью, так и от надлежащего, этнокультурного "настроя" в Срединной империи

[5,37-46]. Эти теоретические положения дополнялись практическими действиями Китая: постепенным поглощением пограничных владений, привлечением на свою сторону соседних правителей при помощи брачных союзов или подкупа, нейтрализацией соседей путем натравливания их друг на друга, часто в сочетании с военным нажимом [2]. Действительность не слишком расходилась с теорией пока по соседству с Китаем существовали племена или государства либо активные во вне, но слабые, либо достаточно сильные, но мало активные. Однако в сунское время (X-XIII вв.) былое отношение Китая к окружающему миру по типу "центр - периферия" сменилось отношением "центр - местные центры", которые боролись за господство друг над другом и над "периферией".

Каждый центр вырабатывал свои принципы взаимоотношений, но в основу их одинаково легли китайские традиционные представления, видоизмененные и непременно привязанные к своему, местному центру. Эти представления были дополнены в каждом центре по своему, но при всем этом во всех вариантах оставалось достаточно общего, обеспечивающего возможность контактов. Сложившаяся на такой основе совокупность принципов и приемов дальневосточной дипломатии этой эпохи обладала большой пестротой, практичностью, гибкостью.

Решительный шаг в новом направлении был сделан киданями. В 1005 г. Ляо и Сун заключили мирный договор, послуживший образцом для многих последующих договоров и дипломатической практики XI-XIII вв. Впервые договор заключали две самостоятельные договаривающиеся стороны (два императора); каждый император клятвой подтверждал верность своему (согласованному) тексту договора; сунский император официально отказывался от части владений, обязывался ежегодно выплачивать большие субсидии, которые, однако, не назывались данью. Также впервые устанавливался регулярный и взаимный обмен посольствами [11].

Чжурчжэни попали в сферу дальневосточной дипломатии задолго до 1115 г. - года провозглашения государства Цзинь. По крайней мере с I-ой четв. X в. чжурчжэни поддерживали отношения с китайцами и, особенно регулярно, с киданями и корейцами [3;6]. Поскольку вплоть до начала XII в. сами чжурчжэньские представители отправлялись ко дворам Ляо, Корё, Сун, - ритуал приемов определялся в местах назначения. Все государства считали чжурчжэней своими вассалами и данниками. В действительности же только Ляо имела известное основание считать

крупные племена "немирных" чжурчженей своими вассалами-данниками, да единичные чжурчженские кланы на короткое время признавали себя вассалами Корё. Однако, даже в этих условиях, чжурчжэни, в отступление от правил, могли поддерживать сношения с одним-двумя соседними государствами, часто бывшими в натянутых или враждебных отношениях к сюзерену чжурчженей. Чжурчжэни вели с этими соседями сложные переговоры по ряду важных политических, военных, хозяйственных и культурных вопросов. Чжурчженские вожди, попавшие в вассальную зависимость от Ляо, усвоили выгоды личного появления при дворе Ляо, получения званий и официальной печати, дающих им на родине особые права и престиж, и удивительно мало беспокоились о потере "независимости". Чжурчженские вожди - носители высокого киданьского звания наместника-цзедуши - при случае действовали против интересов Ляо. Одни вожди, заинтересованные в торговле на землях Ляо, добровольно признавали вассалитет (Ляо, 1019 г.), другие, добиваясь въезда в Корё, просили распространить на свои земли корёское административное деление (Корё, 1073 г.); и те, и другие свободно меняли вассалитет и его знаки (Корё, 1079 г.). В процессе этих отношений не заметно преклонения чжурчженей перед дипломатическим ритуалом, символической вассальных отношений, им прекрасно известных. Чжурчженский вождь Агуда с умыслом в 1112 г. отказался от ритуальной пляски при дворе Ляо, а в 1113 г. не сообщил сюзерену Ляо о смерти своего предшественника Уясу и о принятии им звания киданьского наместника-цзедуши. Чжурчженский вождь Ингэ сознательно вынудил в 1103 г. Корё прислать к нему официальное посольство - первое в истории чжурчженей посольство от соседнего государства, а в 1106 г. - установить "на равных" обмен посольствами с Корё. Запутанность и сложность этой дипломатической ситуации во многом создавались смешением форм вассалитета реального (взнос полновесной дани, участие в военных походах сюзерена) и символического (утверждение в должности и звании, присылка подарков, поздравлений). Но нельзя отрицать и известного влияния этой символики на дипломатические воззрения чжурчженей. Так, когда в 1115 г. Агуда формально вышел из подчинения Ляо и провозгласил себя императором, встал вопрос - в соответствии с теорией дальневосточной дипломатии - о получении признания - "инвеституры" ... для независимого императора.

С III5 г. внешние сношения велись Цзинь уже на межгосударственном уровне. В последующие десять военных лет чжурчжэни успели заставить Ляо испытать горечь дипломатических поражений, используя с этой целью символику сношений. В качестве условий мира киданьскому императору было предложено стать вассалом цзиньского ("младшим братом"), платить дань, передать несколько округов, всю дипломатическую переписку и, наконец, в залог верности выдать принца крови. Вчерашнему сюзерену предлагался набор условий полного вассалитета. Неудивительно, что последовал отказ, не спасший, однако, Ляо [3]. Другим путем развивались дипломатические отношения с Корё. После взятия сунской столицы г. Кайфын в II26 г. королю Корё было предложено стать "заграничным вассалом" Цзинь, присылать символическую дань и посольства с поздравлениями, получить инвеституру, вернуть чжурчжэней, проживающих на территории Корё. Взамен цзиньцы передавали Корё пограничную крепость Баочжоу с прилегающими землями вплоть до р. Ялу. Текст корёской "клятвы" был согласован только к II29 г. Чжурчжэни согласились оставить своих сородичей в Корё с тем, чтобы они не считались подданными этого государства [9]. В ходе выполнения договора политическая реальность одержала полную победу над дипломатическими условностями. Подношения, приезды послов, просьбы инвеституры осуществлялись неукоснительно до I2I2 г. Во внутренних делах Корё было настолько самостоятельно, что допускало приход к власти антицзиньских сил. В стране происходили неоднократные насильственные устранения королей. Новые ставленники просили и обычно получали в Цзинь инвеституру. Хотя это противоречило принципам сюзеренитета, и Цзинь могло силой навести порядок, оно предпочитало не вмешиваться, будучи уверено в конечной лояльности Корё. На тех же основах строились отношения между Цзинь и Си Ся, возникшие уже после IIII5 г., но развивались они немного иначе [4]. Си Ся стало "заграничным вассалом" Цзинь еще в II24 г., а в II25 г. в этом качестве выступила союзником Цзинь в войне с Сун. Как и в случае с Корё, вассалитет скоро превратился в формальность, но граница, в отличие от корейской, оставалась беспокойной. Однако настящая война началась лишь в I2I4 г. и закончилась в I224 г., после чего тангутский император был повышен в звании до "младшего брата".

Непосредственно перед III5 г. чжурчжэни и Сун считались вассалами Ляо и дипломатических отношений не поддерживали.

Вскоре после того, как чжурчжэни разорвали вассальные отношения с Ляо и вступили с киданями в войну, сунцы послали в Цзинь миссию, которая просила чжурчжэней, как старых "данников" Китая, после победы над Ляо вернуть Сун китайские земли за денежное вознаграждение [12]. Поскольку предложение нарушало обязанности Сун как вассала Ляо, миссия была тайной. Агуда (Тай-цзун) отверг претензии новоявленного сюзерена и взамен предложил равноправный военный союз, заявив: "Мы нападём на упомянутые земли с двух сторон, и кто что приобретёт, тем пусть и владеет" [7, цз.1]. Текст союзного договора окончательно согласовали лишь к 1123 г. и скрепили "клятвами". В договоре подчеркивалось равенство сторон. Сунский текст не содержит обычных этикополитических рассуждений, способных вызвать неудовольствие чжурчжэней. Напротив, цзиньский - включает такие рассуждения, обосновывающие разрыв с Ляо. Несмотря на провозглашенное равенство, китайская сторона соглашалась выплачивать Цзинь те же субсидии, которые она выплачивала Ляо, а сунский посол в своих донесениях продолжал называть чжурчжэней "дикарями" (лу). В самом Китае договор подвергся критике с позиции чистоты дипломатической теории: "Ляо было союзником Сун и не совершило нарушений. Цзинь было тогда данником, а его правитель - мятежником. Разве заслуживало Ляо наказания?" [10, 266]. На рубеже 1125/26 гг. разразилась цзинь-сунская война. В клятве к договору о перемирии 1126 г. под стенами окруженного Кайфына император Хуй-цзун обращается к цзиньскому государю как к своему дяде, "извиняется за свои ошибки, обнаруживает личное раскаяние и просит мирного договора" [8, 74]. Заключенное перемирие было сорвано. Сунцы заплатили за это дорогую цену: оба императора (отрекшийся Хуй-цзун и его преемник Цинь-цзун) были взяты в плен, "разжалованы", как нарушители клятвы, увезены в чжурчжэньские земли и умерли в ссылке. Несомненно, цзиньцы сознательно довели до конца этот беспрецедентный в истории Китая акт, прекрасно оценивая то особое значение, которое придавали в Китае персоне императора. Длительная война завершилась миром 1141/42 гг. Хотя в выработке его условий участвовали обе стороны, он зафиксировал поражение Сун, еще невиданное в Китае. Сунский Гао-цзун признавал себя вассалом цзиньского императора, обязался испросить для себя инвеституру, выполнять все обязанности и церемонии вассала, платить большую дань, уступить огромную территорию. Взамен цзиньцы отпускали из плена мать Гао-цзуна и передавали прах Хуй-цзуна и его жены [8]. Гао-цзуну пришлось дать жесткую

клятву в верности договору. Договор обращал китайские нормы внешних сношений, ориентированные на "варваров", против самой Срединной империи: из вершителя судеб поднебесной Сун превращалась в рядового вассала-данника "варваров", уступала врагу исконную китайскую территорию, оставляла в плену бывшего императора Цинь-цзуна. По условиям договора 1208 г. сунам пришлось казнить канцлера Хань То-чжоу - зачинщика войны - и прислать в Цзинь его голову [1]. Эта акция шла в разрез со всеми китайскими политическими и дипломатическими традициями. Она сопро-вождалась требованием выдачи чжурчжэньских перебежчиков.

Оказавшись в сфере дальневосточной дипломатии чжурчжэни сначала выказали невысокую чувствительность к престижной стороне дипломатических актов, исходящих от их партнеров, что облегчало им сношения и - часто - самый вассалитет, особенно символический. После создания в 1115 г. государства Цзинь чжурчжэни внесли свой вклад в дальневосточную дипломатию. Отправной точкой стала претензия на политическое господство на Дальнем Востоке, признаваемая и современниками, например, Юань Хао-вэнем и последующими поколениями: "Когда [Цзинь] создало династию и смогло поставить себя между Тан и Сун ..., то действовало просвещением, а не оружием" (7, цз.125). Соединение же просвещения, в которое включались "добрые чжурчжэньские обычаи" (по мысли цзиньского Ши-цзуна более близкие к описанным в канонических книгах, чем сунские), с военным искусством, как считал тот же Ши-цзун, позволяло превзойти даже славу династий Хань и Тан. В свете этого роль военного искусства прина-валась закономерно высокой, поскольку "тот, кто вновь объединит Китай, обеспечит [династию] законность" [7, цз.129]. Претензия на политическое господство на Дальнем Востоке оформилась в сер. XII в. при Хай-лин-ване - цзиньском императоре "четырёх морей" - одним из желаний которого стало: "... захватить [сунского] государя, поставить его перед своими очами и спросить его о грехах ..." [7, цз.129]. Цзиньская дипломатия переориентировала существовавшую китайскую дипломатическую символику против Сун. Приоритет в дипломатической теории Цзинь этнического, государственного начал перед этическим, принятым в Китае, отразился в рационализации условий договоров и многих форм сношений. При заключении договоров Цзинь неуклонно придерживалась ляоского принципа: участия двух договаривающихся сто-

рон в обсуждении условий договора, составления каждой из сторон согласованного текста, сопровождаемого клятвой.

---

¹ Гуань Лий-цзюань, "Мирная" ситуация между Сун и Цзинь после заключения "мира годов шаосин", - Лиши цзяосюе, 1964, № II-12.

² Л.И.Думан, Традиции во внешней политике Китая, - Роль традиций в истории и культуре Китая, М., 1972.

³ Кумамото Сигэкичи, История взаимоотношений между Ляо и Цзинь, - Сигаку дзасси, 1898, т.9, № 3, 4, 6, 9.

⁴ Е.И.Кычанов, Из истории взаимоотношений тангутского государства Си Ся и чжурчэньской империи Цзинь, - Материалы по истории Дальнего Востока, Владивосток, 1973.

⁵ А.С.Мартынов, Статус Тибета в XVII-XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978.

⁶ Пак Ён Хэ, Внешняя политика Корё до вторжения киданей, - Йокса квахак, 1966, № I.

⁷ Цзинь ши (История Цзинь).

⁸ Н. Franke, *Treaties Between Sung and Chin*, - *Sung Studies*, Ser.1, n.1, 1970.

⁹ Li Ogg, *Histoire de la Corée*. Paris, 1969.

¹⁰ E.L.Oxenham, *A Chip From Chinese History Or the Last Two Emperors of the Great Sung Dynasty 1101-1126*, - *China Review*, v.3, n.4, 1884.

¹¹ Chr. Schwarz-Schilling, *Die Friede von Shan-yüan (1005 n. Chr.). Ein Beitrag zur Geschichte der chinesischen Diplomatie*. Wiesbaden, 1959.

¹² D.Thiele, *Der Abschluss eines Vertrages: Diplomatie zwischen Sung und Chin Dynastie 1117-1123*. Wiesbaden, 1971.